РЕЦЕНЗИИ

Г. М. Васильева
г. Новосибирск, Россия

Кемпер Дирк. Гёте и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. изд. : Dirk Kemper. Ineffabile. Goethe und die Individualitätsproblematik der Moderne. München: Wilhelm Fink Verlag, 2004. 496 p . / пер. А. И. Жеребина. М. : Языки славянской культуры, 2009. 384 с.

Появлению монографии профессора РГГУ Дирка Кемпера (Хильдесхайм/Москва) предшествовал период интенсивных работ в западном и отечественном гётеведении. Автор принимал в нём непосредственное участие. Книга возникла в достаточно плотном научном контексте. Учёный внимательно относится к трудам европейских коллег, в живом, порой полемическом контакте с идеями которых он всё время находится. Новые материалы и концепции Д. Кемпера прошли научную апробацию в многочисленных статьях. Они опубликованы в специальных изданиях, например, в сборниках «Русская германистика. Ежегодник Российского Союза Германистов».

Общую идею, помогающую удержать разнообразный материал, автор высказывает во Введении и последовательно разрабатывает на страницах книги. Здесь же подробно представлены содержательная структура труда и основные направления исследования. Это избавляет рецензента от необходимости тематической систематизации предлагаемых материалов и позволяет сосредоточиться на проблемах, которые естественным образом порождаются совокупным научным продуктом. В духе Гёте текст имеет морфологическую ясность. Дирк Кемпер ставит задачи строгие и определённые: изучение проблемы индивидуальности в эпоху модерна, реконструкция исторического генезиса концепта на примере литературного творчества Гёте. Автор пишет о необходимости «дать представление о том уровне рефлексии, которого достигает интенсивная борьба Гёте за осмысление этой центральной категории модернистского самосознания в поздний период его жизни» [31]. История развития концепции личности, её путей, этапов, и противоречий – таков главный предмет исследования. По убеждению учёного, произведения Гёте, особенно «Гёц фон Берлихинген с железною рукою» («Götz von Berlichingen mit der eisernen Hand», 1773) и «Страдания юного Вертера» («Die Leiden des jungen Werthers»; 1774, окончательный вариант в 1786) способствовали переходу идеи индивидуальности из сферы философского дискурса в бытовое сознание читающей публики. Идея вошла в повседневную практику современного человека.

Д. Кемпер обращается к методу культурологического литературоведения. Он рассматривает концепцию личности на фоне теорий Джованни Батиста Вико и работ Э. Кассирера. Вико считается основателем семиотики культуры. Его «Новая наука» («Szientia nuova», 1725–1730) является одной из первых концепций культурного развития. О Кассирере автор пишет: «<…> философия символических форм, в особенности его понимание человека как «animal symbolicum», справедливо оценивается сегодня как фундаментальное открытие, наметившее новые пути в развитии культурологии» [168]. В этом ряду, на мой взгляд, недостаёт имени немецкого учёного Ф. А. Вольфа, автора «Prolegomena in Homerum» (1795). Он совершил переворот в понимании истории культуры, что отмечал и его современник Гёте. Вольф явился создателем первой по времени, обстоятельно изложенной системы филологии как рационально построенного и замкнутого круга знаний.

© Васильева Г. М., 2011

Традиция идеи «внутреннего человека» (interiore homine) берёт начало в сочинениях Аврелия Августина и Декарта. Декарт, с точки зрения истории личного самосознания, предвосхищает мышление Нового времени. Философ с его утверждением «Je pense, donc je suis» (в латинском переводе «ego cogito, ergo sum», «я мыслю, значит я есть»), даёт «классический образец самообоснования человеческого Я». В трансцендентальной философии Канта была подвергнута деконструкции теория соответствия порядка бытия порядку мышления. «В свете проблемы личности» этот решающий сдвиг определил переход от Нового времени к модернизму. Эпоху между 1750 и 1850 гг. автор именует термином К. Ясперса «осевое время». В этот период, особенно в последнюю треть XVIII в., складывается модернистская концепция личности. Она «формируется в поле напряжения между свободой самообоснования и его мучительной необходимостью. Именно между этими двумя полюсами складывалась проблематика личности в творчестве Гёте» [19]. Учёный рассматривает историю автобиографии с точки зрения представленных в ней нарративных моделей. Они составили традицию, на которую Гёте опирался в ходе работы над «Поэзией и правдой». Сюжетная схема автобиографии, созданная Августином Аврелием, сохраняла своё влияние на протяжении нескольких веков, в частности, в пиетистической биографии. В рамках истории жанра «Исповедь» представляет собой архетипический текст. Он выявляет те проблемы, с которыми сталкиваются все позднейшие авторы автобиографической прозы. Учёный изучает культурно-коммуникативное пространство свободы для «eloquentia cordis» (языка сердца). Переход от «eloquentia corporis» к «eloquentia cordis» совершился в XVIII в. и стал открытием. Он начался в рамках риторического учения об «actio» и оказал влияние на понимание литературы. Нельзя сказать, что эта тема обойдена вниманием учёных. Полагаю, что в данном контексте пригодился бы культурный опыт Карамзина. Его стихотворение «Протей, или Несогласия стихотворца» (1798) венчает формула, выделенная курсивом: «*Поэзия – цветник чувствительных сердец*». Напомню, что отношение Карамзина к «чувствительности» было сложным.

В исследовании Кемпера уделяется внимание генезису, развитию и семантике понятия «ineffabile». Предшествующие эпохи оставили на слове свою печать, материальные следы истории. Но у европейского читателя нет неуместных семантических «шлейфов», семантического облака, явно мешающего философскому употреблению слова. Здесь не может быть обострённой реакции на неточность уже существующих ассоциаций. Это связано с морфосемантической структурой слова – невозможностью перевести на европейские языки. Его бытование, жанровое самоопределение и эволюция осмыслены в качестве основы современной теории личности, которая утверждается в эпоху Гёте. Формула «Individuum est ineffabile» заключает в себе центральное противоречие модернистского сознания. Она является аллюзией на «Deus ineffabilis est» Августина Аврелия, свидетельствует о божественном происхождении личности. В формуле подчёркивается непреодолимость гносеологической границы. «Ineffabile» понимается как внутренний закон жизни; «личный внутренний закон», который гарантирует индивидуальную идентичность; потаённое ядро «глубинной правды»; возврат в своё Я; необъяснимое, невыразимое; представление об исходной цели. «Росток доброго начала» – ботаническая метафора для «ineffabile», представляющего начало и конец развития индивидуальности. «Ineffabile» также обнаруживает себя в мгновенном демоническом возрастании действующей силы и энергии, в повышении энтелехии. Демоническое выступает как часть всеобъемлющего порядка.

Перевод понятия и его характеристика могут показаться слишком общими, фрагментарными и субъективными, чтобы служить надёжным ориентиром в области поэтики. Но исследование Кемпера имеет точно очерченный предметный характер и обращено к некоторым закономерностям в заданных им рамках. Напряжённые раздумья Гёте над «ineffabile» обладают высшей степенью современности. Кемпер понимает модерн как возложенную на себя ответственность и опыт построения образа Я и своего мира, без оглядки на готовую метафизическую систему. В анализе понятия нет нравственно-идеологической (религиозной) императивности. Знание – сила,

оно одушевляется не безличным поиском истины, но страстями и инстинктами, побуждениями, желаниями.

Автор убедительно доказывает, что «ineffabile» закрепляет сложное и опосредованное отношение человека к смыслам. Там, где мы можем лишь мифически трактовать его как нечто субстанциональное, присутствуют какие-то иные смысловые ресурсы. Они не улавливаются сознанием русскоязычного читателя. Нам ведь сложно понять, что греческий «Логос» одновременно означает «слово», «разум», «пропорция» и т. д. «Ineffabile» – тоже мощная абстракция. Она предполагает такие характеристики, как полнота, простота, самотождественность, самодостаточность, сосредоточенность на «здесь и теперь» (настоящее как вечно присутствующее).

Вызревание культурной потребности в рефлексии и создание концептуального языка – по сути двуединый процесс. Становление концептуального языка помогло состояниям и чувствам стать артикулированной мыслью. Гёте сделал предметом рефлексии философские стили и мыслительные стратегии. Приоритетным становится вопрос о языке (языках) как о средстве артикуляции содержаний, без которого никакая развитая идея не может себя выразить. Д. Кемпер выбирает не генетический метод исследования понятий: он предполагал бы поиск эволюционирующего «зародыша» понятийной структуры. И даже не исторический, с помощью которого последовательно раскрывается содержание того или иного события-факта в его историческом развитии. Учёному необходим метод типизирующий: феномены рассматриваются как конкретные типы философско-исторического сознания.

Материал расположен и во временной последовательности, и по логико-дидактическому принципу. Хотя в исследовании проявляются региональные и хронологические приоритеты, они отнюдь не сужают взгляд. В век Просвещения, имеющего ренессансные истоки, развивались «взаимоотношения» с культурами барокко, рококо, романтизма и бидермейера. Специфика просветительского исторического мышления и человек Просвещения с его меняющимися культурными ролями (человек естественный, человек эстетический), топос мира-театра, просветительский феминизм – всё это видится из той природно-человеческой культуры, где жизнь наилучшим способом обустраивается.

Выработка единого, чёткого свода понятий, которые трактовались бы без всяких разночтений, – задача неразрешимая, особенно в гуманитарных науках. Д. Кемпер применяет термины «нарративная схема», «нарративные модели». В задачи автора не входит изучение теории наррации и нарратива, структуралистской нарратологии (О. М. Фрейденберг, А. Данто, Л. Минк, П. Рикёр, Ж. Женетт, Ф. Анкерсмит). Вынужденная терминологическая путаница в какой-то мере стимулирует творческую активность литературоведов. Каждый пытается доказать состоятельность своей концепции на конкретном историческом материале. Подробное истолкование того или иного ключевого эстетического понятия стало отправной точкой многих работ. Показать процесс изнутри – достаточно апробированный в литературоведении ход. Он соответствует современной установке гуманитарной науки на прагматику: рассмотрение «текстов» с точки зрения их функционирования, в аспекте восприятия и их роли в (само)познании эпохи. Отметим, что Д. Кемпер не учитывает работы российских германистов (А. В. Михайлов, Г. В. Якушева, издания Гётевской комиссии). Конечно, конкретные наблюдения не всегда могут быть подробно рассмотрены в рамках одного труда, но поистине «всякое даяние есть благо».

В монографии успешно сочетаются собственно литературоведческий анализ явлений и процессов с анализом историко-культурного фона, обусловившего возникновение рассматриваемых феноменов. Книгу с интересом прочтут филологи, причём не только германисты. Вполне вероятно, она найдёт благодарного читателя и за пределами научной филологической среды.